

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

М. О. Косвен, *Матриархат, История проблемы*, Институт этнографии Академии Наук СССР, отв. редактор проф. С. П. Толстов. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 239, тир. 4000 экз., печ. л. 20³/₄, цена 22 руб.

Автор рецензируемой книги известен советскому читателю рядом специальных работ по истории первобытного общества, в частности работ в области историографии, научной биографии выдающихся представителей науки о первобытном обществе, а также в области изучения отдельных общественных институтов первобытно-общинного строя и проблем, связанных с ним. Одной из таких проблем, притом наиболее важных в науке о первобытном обществе, является проблема матриархата, которой автор, по его собственным словам (стр. 319), занимается уже в течение 20 лет. Вопрос о матриархате неоднократно трактовался в печати М. О. Косвенем как наряду с другими вопросами в отдельных его статьях, так и в специальных работах, посвященных в основном описанию конкретных матриархальных обществ различных стран и частей света. Таким образом, автор только что вышедшей из печати работы о матриархате является крупнейшим знатоком трактуемого вопроса.

Как видно из подзаголовка, книга посвящена истории проблемы матриархата и, помимо краткого введения, разделена на три большие, равные по своему объему части, носящие следующие названия: 1. От античности до середины XIX в., 2. От Бахофена до Маркса и Энгельса и 3. От Маркса и Энгельса до наших дней. Каждая из указанных частей содержит по шести отдельным главам, большая часть которых заключается кратким резюме.

В первой части книги, охватывающей историю проблемы матриархата на протяжении свыше двух десятков столетий, автор останавливается на представлениях древних о первобытности, отдельных отрывочных сведениях, имевшихся в распоряжении античных авторов по вопросу о матриархальных порядках у некоторых народов, а также на зарождении «воинствующей антитезы учения о матриархате» (стр. 18) — патриархальной теории, нераздельно господствовавшей затем на всем протяжении средних веков. Далее автор показывает постепенное, сначала медленное, а затем все ускоряющееся накопление материала о матриархальных порядках, сначала у народов Востока, а затем, начиная с эпохи великих открытий, в Америке и других частях света. Параллельно с приводимыми детальными сведениями о накоплении фактического материала автор приводит высказывания различных выдающихся представителей науки и философии XVII—XVIII веков. Среди них он справедливо выделяет двух исследователей: Лафито, нашедшего у ирокезов и гуронов матриархальный порядок и впервые сопоставившего его с «гинекократией», или господством женщин у народов древности, а затем Миллера, первого исследователя, признавшего матриархат в качестве хотя и не универсального, но вполне определенного порядка для прошлого человечества.

Значительное место во второй части книги автор посвятил творцу учения о матриархате — Бахофену, рассмотрению его концепции, вопросу о значении, которое имеет Бахофен в истории науки, а также судьбе его трудов, замалчивавшихся буржуазной наукой. Далее автор достаточно подробно излагает концепции Мак-Леннана и создателя нового учения о первобытном обществе Л. Г. Моргана, а также взгляды ряда последующих исследователей, как сторонников учения о матриархате, так и противников этого учения.

Третья часть книги посвящена периоду, начинающемуся с середины 80-х гг. прошлого века — времени появления гениального труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и заканчивающемуся современностью. Здесь автор детально останавливается на влиянии этого труда, а также всего марксистского учения на разработку вопросов первобытной истории вообще и про-

блемы матриархата, в частности, признании большинством исследователей в 90-х гг. прошлого века учения о матриархате, сменившегося позднее новым оживлением реакционных теорий в буржуазной науке. В последних главах книги автор характеризует новые направления в реакционной буржуазной этнографии — экономизм, теорию культурных кругов, культурно-историческую школу и их отношение к проблеме матриархата, а также упадок буржуазной этнографии, наряду с безраздельным господством реакционных взглядов и теорий в буржуазных странах, особенно в США, после второй мировой войны. В заключение дается краткий обзор успехов советской этнографии за 30 лет и приводятся материалы о разработке советскими учеными проблемы матриархата. С необычайной тщательностью и добросовестностью автор шаг за шагом проследживает развитие проблемы матриархата, подробно разбирая взгляды каждого исследователя, в той или иной мере, хотя бы даже попутно при трактовке других проблем, писавшего или выступавшего по вопросу о матриархате. Многочисленные ссылки на литературу, приводимые с такой же тщательностью, с указанием на существование нескольких изданий или переводов, в частности переводов на русский язык, свидетельствуют об огромной работе, проделанной М. О. Косвеню по подготовке данного труда, а также об его большой эрудиции.

Естественно, что автор книги не мог рассматривать проблему матриархата изолированно, вне связи ее с другими коренными вопросами истории первобытного общества, каковы, например, вопрос о роде, которому он посвятил отдельную главу, вопрос о промискуитете и групповом браке, об авункулате, дуальной организации, кузенном браке и т. п. Наряду с высказываниями крупнейших исследователей истории первобытного общества по вопросу о матриархате М. О. Косвен сплошь да рядом в кратких чертах излагает и всю концепцию в целом того или другого ученого, а иногда даже возвращается к нему несколько раз в связи с эволюцией его взглядов на протяжении ряда десятилетий (Э. Тэйлор, М. М. Ковалевский). В результате можно отметить, что книга М. О. Косвена выходит далеко за рамки проблемы матриархата и излагает до известной степени историю развития всего учения о первобытном обществе. Это обстоятельство еще более увеличивает значение данной работы и ее пользу для читателя.

М. О. Косвену ярко и наглядно удалось показать в своей работе, что прогрессивное учение о матриархате на протяжении многих десятилетий неизменно отрицалось или замалчивалось буржуазной наукой, что буржуазные ученые создавали самые разнообразные теории, призванные опровергнуть универсальность матриархата как общественного порядка, свойственного равным ступеням развития человечества. Там, где не удавалось замолчать или опровергнуть многочисленный, все более и более накапывавшийся фактический материал, буржуазные фальсификаторы истории пытались свести сущность матриархата к одной матрилинейной филиации да кое-каким этнографическим «курьезам» или доказать, что матриархат свойственен лишь некоторым народам современности или варварским народам античности; наконец, ограничено связать его с определенной формой хозяйственной деятельности. После краха всех подобных попыток фальсификации первобытной истории буржуазные ученые нашли новый «выход из положения». Деятели культурно-исторической школы декларировали существование различных типов культуры, в частности для разбираемой проблемы наличие типов культуры патриархальной и матриархальной, допуская последнюю лишь для некоторых, преимущественно остальных народов, а наличие элементов матриархата у народов другой культуры объясняя заимствованием.

Наряду с этим автор весьма убедительно показал приоритет русской науки и прогрессивность идей русских ученых в вопросах первобытной истории и, в частности, в вопросе о матриархате. Некоторые русские историки еще до Бахофена, в середине XIX в., высказали ряд оригинальных и прогрессивных мыслей по вопросу о высоком положении женщин в древнем обществе, в частности славянской женщины. Вместе с тем и самое учение Бахофена о матриархате, незаслуженно замолченное и забытое в Западной Европе, нашло отклик в России и было принято целой плеядой прогрессивных русских ученых и публицистов 70—80-х гг. прошлого века, которые своими трудами внесли значительный вклад в науку о первобытном обществе.

С большим интересом читаются те места книги, где автор останавливается на трудах К. Маркса и Ф. Энгельса в области первобытной истории. Здесь М. О. Косвеню приводятся любопытные факты, показывающие, например, что молодой Маркс еще в 1852 г. ознакомился с работой Миллера о матриархате и в этом отношении на двадцать лет опередил такого специалиста в первобытной истории, как Мак-Леннан (стр. 211—212). Автором приводятся также замечательные высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина о матриархате (стр. 316—317).

Существенным недостатком рецензируемой работы является отсутствие четко сформулированного самим автором определения матриархата. Совершенно ясно, что понятие о матриархате, данное автором в начале введения (стр. 3), не является полным и не может удовлетворить читателя. В связи с этим у читателя-неспециалиста должны вызвать недоумение многие критические замечания автора в отношении трактовки тем или другим исследователем различных сторон матриархата. Возьмем хотя бы вопрос о положении женщины и мужчины в эпоху матриархата. Автор критикует Жиро Телона (стр. 156), Ковалевского (стр. 258), Риверса (стр. 282) и многих других исследователей (стр. 308—309) за их тезис о главенстве в эпоху матриархата муж-

чины, в частности брата матери; с другой же стороны, он обвиняет «интерпретаторов» Бахофена, которые «выставляли дело так, будто бахофенов матриархат был эпохой обязательного и притом полного общественного или даже политического господства женщины, «власти» женщины и т. д.» (стр. 173). Невольно хочется спросить, какова же точка зрения самого М. О. Косвена по этому вопросу. Мы взяли здесь лишь один, наиболее характерный пример, но такие же замечания могут быть сделаны и в отношении других сторон проблемы матриархата.

В заключение следует отметить, что рецензируемая книга М. О. Косвена заслуживает всяческого внимания, является весьма ценным вкладом в советскую науку о первобытном обществе и несомненно будет служить необходимым пособием для всякого, занимающегося вопросами первобытной истории. Приходится только пожалеть, что книга не снабжена именным и предметным указателями.

Н. Кисляков

ЛОРД РАГЛАН — ТЕОРЕТИК РЕАКЦИОННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ¹

В 1947 г. в английском журнале «Folk-lore» был опубликован доклад лорда Раглана, вновь поднимающий на щит реакционную теорию творческого бесплодия трудового народа. Старая, знакомая теория реакционеров разных мастей и толков! В различных вариациях она проявлялась уже в начале XIX в. и к концу его расцвела на основе позитивистской методологии. Ее тесная связь с компаративистикой совершенно очевидна. Вс. Ф. Миллер в первый период своей научной деятельности, будучи убежденным сторонником так называемой теории заимствования, в книге 1892 г. «Эксперименты в область русского народного эпоса» прямо заявил о создании былили господствующими классами, — на долю же народа он отнес забвение и искажение художественных эпических песен. На этой основе позднее выросла вся концепция его школы (так называемой «исторической»), утверждавшей аристократическое происхождение исторического эпоса и шире — фольклора в целом (ср. работы С. К. Шамбинаго, В. А. Келтуяла, акад. Владимирцова и др.). Философские основы этой «теории» достаточно ясны. Предельно четко они выражены в статьях Фр. Ницше, посвященных греческому эпосу. Теория создания фольклора господствующими классами по существу сводила на-нет творчество народа, вычеркивала народ из истории культуры; тезис — народы подбирают и перепевают бродячие сюжеты — видоизменился в положение: народ питается тем, что к нему «спускается» (с большим опозданием!) «из образованных кругов общества». Буржуазные ученые в период становления империализма изобразили народ дикой, тупой, не способной к сознательной деятельности массой, карикатурно перенимающей «моду» вне зависимости от ее национальных черт и только тогда, когда она уже выходит из употребления в среде господствующих классов. Так, Джон Мейер писал о том, что народ только подхватывает и перепевает произведения «образованных и культурных кругов общества» или профессионалов, выполняющих «социальный заказ» феодальной аристократии и буржуазии, как только они выходят из моды в создавшей их среде. Подобные же нелюбости провозглашались и некоторыми другими представителями «науки» утверждавшегося империализма. Взгляды на народное искусство, на материальную и духовную культуру народа находились в полном соответствии с теорией и практикой империалистических хищников. Теория сниженной культуры зачеркивает национальное творчество народов и выдвигает основой основ «творчество» господствовавших классов — ныне реакционной буржуазии.

Подлинная сущность теории сниженной культуры раскрылась в книгах Ганса Наумана. В Германии накануне прихода Гитлера к власти Науман проповедывал реакционные идеи снижения культуры и обесценивания ее в среде трудового народа. Это именно он писал о народе, питающемся объедками, упавшими с барского стола; это он с захватом фашистами власти в Германии посвятил свой очередной «труд» Гитлеру.

Советская наука и общественность еще в 1936 г. вскрыли смысл и значение этой реакционной теории, нашедшей в буржуазной науке Запада наиболее четкое выражение, дали ей политическую оценку. В ряде статей центрального органа ВКП(б) газеты «Правда», в статьях научных и научно-популярных журналов была со всей очевидностью установлена обрисовывавшаяся в 30-х г. связь теории Наумана с политикой германского фашизма, фальсификация им и его сподвижниками народного творчества.

И вот теперь, так же как накануне Великой отечественной войны в Германии 30-х гг., в Англии с трибуны научного общества звучит та же теория. Лорд Раглан как бы повторяет Наумана. В своем докладе лорд Раглан напомнил слушателям, что в 1934 г. Люис прочитал в фольклорном обществе статью «Участие народа в созда-

¹ Raglan Lord. The Origin of Folk-Culture. Presidential Address delivered before the Society on the Annual Meeting of March 5-th 1947, «Folk-Lore», vol. LVIII, June, 1947.